

ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН

САМИМ названием фильма «Дорогой мой человек» его авторы — режиссер И. Хейфиц, сценарист Ю. Герман говорят о своем замысле — показать положительного героя. Они не скрывают этого намерения и прямо говорят зрителю: вот он, наш идеал. Героя своего они вылепили не из однообразно серого теста хрестоматийных истин, не обклеили его, как пузырек, подробными рецептами на все случаи жизни. Не фейерверки и аплодисменты отмечают путь героя, а трудности, которые возникают и остаются позади, побежденные.

Всюду за героем следует неизменная симпатия авторов — без жалости и стремления облегчить ему путь. Чистым, отважным проходит Владимир Устименко через весь фильм. Мы видели его босоножим мальчишкой, когда оборвалась нитка и уплыл от Володьки кораблик с алыми парусами. Расставались с ним в финале, когда ему уже за сорок, — и тут снова застали его в пути. Мимо глухого полустанка, где кругом дикая степь, несется скорый поезд. Все пассажиры давно спят, и лишь один с волнением всматривается в темень. Вот мелькнул у полотна силуэт. Махнула рукой любимая женщина. Встреча на мгновение, радость — надолго. «Варюха, приезжай!» — раздалось с подножки вагона. И поезд ушел — далеко, в края, где все нужно начинать сначала. Туда едет Владимир Афанасьевич Устименко.

Юный душой, он сохранил порывистое нетерпение молодости, жажду новых поисков, «охоту к перемене мест». Пусть седина коварно ползет по волосам, но радость мимолетного взгляда, в ночи, когда мчится поезд, — она такая же чистая, красивая, романтическая, что и в юности.

Как рассказать об этом человеке, длинной и трудной биографии его? Авторы выбирают жанр киноромана, о плодотворности которого еще спорят, имея мало примеров истинной его поэтики. Конечно, это не останавливало создателей фильма «Дорогой мой человек»: именно в форме романа на экране выдвинулось лучшее решение образа нашего современника.

Но «роман — это зеркало, с которым идешь по большой дороге». Эти слова Стендаля хорошо подчеркивают особенность жанра, в котором образы должны жить на фоне широких картин действительности. Что касается сценария нового фильма, то в нем словом «роман» прикрыта просто фрагментарность, отсутствие пластического развития характеров. Люди, выведенные в сценарии со своими внутренними конфликтами, остаются вдали от конфликтов эпохи. И вот, как нам представляется, увлекшись таким драматургическим нестройным сценарием, доводя разрозненные эпизоды до яркого звучания своей талантливой работой, режиссер, операторы, художники, актеры подчеркнули как раз его недостатки и не смогли подняться выше изображения личных судеб, проявить в них главные тенденции нашего времени.

Вспомним молчаливое прощание уходящего в отставку адмирала с кораблем — эпизод большого

чувства и правдивости. Зритель тут восхищен тонкой и точной рукой режиссера, великолепной игрой артиста П. Константинова, смелой и сложной выдумкой операторов (М. Магид и Л. Сокольский), сумевших все время видеть эпизод с единственных, кажется, возможных точек, раскрывающих смысл его. Но в чем же сакральный смысл этой сцены? Человек прощается не только с матросами, он расстается с большой интересной жизнью, уходит на пенсию — выращивать перед своим домом кусты и кактусы. Зритель ведь не видел (а лишь слышал), какая жизнь за плечами у Родиона Мефодьевича — жизнь, в которой был он, несомненно, героем. В эпизоде, который оказывается сюжетно не связанным с другими, сам герой еле сдерживает слезы. Он и потом часто чуть не плачет. Почему же авторы избрали именно грустные картины завершения яркой биографии матроса с «Авроры»?

У мастеров, делавших фильм, это не случайности (случайности не прорвутся в их работу по недосмотру), а одно из свидетельств общего замысла, с которым хочется спорить очень и очень всерьез.

Все новые обстоятельства врываются в сюжет, их вскоре сменяют другие — проходят годы, появляются незнакомые персонажи. Но почти каждое событие авторы показывают в момент завершения, опуская те процессы, которые объясняют нам поступки персонажей. При этом для героев выбраны трудности и неприятности, для персонажей отрицательных — победы, хотя бы и временные. Конечно, пролазу и машинатора Женечку неизменно встречает презрение зрителя (этому помогает безжалостно яркая игра Ю. Медведева), а отец его, человек крепкой, кристальной воли и неумолимой партийной совести, вызывает горячее одобрение зала. Но почему Родион Мефодьевич должен с тощим чехомоданом брести под дождем ночью и проситься к знакомым «угловым жильцам», когда Женечка нежится в пижаме на стильной мебели? Кому должен адресовать свое негодование зритель: себе? авторам? героям фильма? Кто же виноват?

Вот посмотрите, с какими результатами жизни Устименко знакомимся мы в фильме.

Из юности показан эпизод, когда Володя лишился отца; так мы и не увидели его в родной семье. Мы знаем, что затем Володя учится в медицинском институте, а основной эпизод происходит в день получения диплома, когда рушится мечта ехать на работу вместе с любимой девушкой, и первый самостоятельный шаг в жизни приходится делать в угрюмом настроении.

Вероятно, потом Володя нашел радость в нелегких делах деревенской больницы, но увидели мы лишь щемящий сердце итог: его оторвали от любимого дела, любимого места, и вот он, небритый, в помятой шинели, встречается нам уже на полустанке, взбурдаженный войной. На фронте герой отважно выносит раненых из боя, а потом... получает за это нагоняй.

Миновало время. Устименко женился. Видно, семейная жизнь была у него не совсем плохой: да ведь такой человек и не стал бы терпеть подделки в отношениях с людьми... Но все-таки из семейной жизни мы видим единственный эпизод: бесповоротный разрыв с женой.

Остается творческий труд в больнице: тут и радость, и утешение от неудач. И снова, не увидев его в любимом деле, мы становимся свидетелями подлой интриги, из-за которой Устименко сняли было даже с работы.

В начале фильма Володя выделяет в «Исповеди» Маркса две мысли: «Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение. — Угодничество» и «Ваше представление о счастье. — Борьба». Но, сделав такую счастливую заявку, сценаристы развили ее, пожалуй, чрезмерно и несколько односторонне. Они приписали отрицательным персонажам угодничество сверх меры, чтобы дать Устименко возможность возмущаться; они ввели в сюжет бесконечные и разносторонние трудности, чтобы показать в полную силу борьбу с ними. Но ведь каждому отдельному эпизоду борьбы в киноромане «Дорогой мой человек» места отведено понемногу, с вынужденной скупостью. И вот от непрерывных осложнений жизнь героя показалась нам весьма мрачной.

Мрачность же преобладает оттого, что герой вел борьбу одиноко, замкнувшись в себе. Доблестью и просто обязанностью коммуниста считаем мы всегда умение не отходить от товарищей, держаться коллектива и сообща искать пути вперед. Тогда осложнения и срывы в твоей личной судьбе не будут казаться крушениями и жестокими поражениями: победы товарищей, стоящих рядом, помогут тебе не упасть духом. Существует другой идеал, к сожалению, весьма живучий, доставшийся миру от религии. Такой герой — схимник, строготерпец, отгородившийся от людей и на свой страх и риск, собственными подвидами добывающий очищение погрязшему во грехе человечеству. Подобные индивидуалисты обычно выступают в ореоле жертвенности, расценивая мир по себе, тогда как истинный строитель коммунизма мерит свои заслуги пользой народу, затвориться, отгородиться от которого — для него преступление. На наш взгляд, в роли Устименко граница между этими идеалами не получилась четкой.

Как известно, роль Устименко была написана специально для А. Баталова, но играть длинный ряд результатов затруднительно и для зрелого мастера. Исполняя добросовестно все предложенное сценарием и постановкой, переживая за своего героя невзгоды и обиды, артист показал в итоге человека замкнутого, раздраженного, обремененного жизнью. Нам почти что не посчастливилось видеть при светлых минутах, поэтому героизм идеального (а не идеализированного) героя показался обедненным. А расчет на давно всем

знакомое актерское обаяние щедро одаренного А. Баталова себя не оправдал. Вышло, что для героя интерес и счастье — в самих трудностях, а не в победе над ними; проскальзывает позирование своей непримиримостью и неудачливостью. Нет, это не преемник Пирогова и Дымова.

Напомним один эпизод. Устименко помогает рабочему, которого жена только что обрала близнецами, получить новую, отдельную квартиру, успокоив его, когда у счастливого отца ноги подкашивались от волнения. И вдруг, в ответ на душевные, искренние слова благодарности рабочего человека «я вам этого никогда не забуду» врач бросает: «Забудете. Еще жаловаться станете».

Устименко, что вы говорите?! Опомнитесь, возьмите назад эти слова нытика, скептика, злые, неоправданные, улыbnитесь не иронически, а сердечно!

Но слова эти звучат в фильме естественно, их подтверждают судьбы героев — неудавшихся, до обидного лишенные взлетов.

Геолог Варя, мечта которой стать актрисой оказалась самообманом и не исполнилась, с покорностью судьбе сообщает, что там, где она ведет изыскания, ничего путного не найти, и добавляет, что добросовестность — тоже добродетель. Почему же ей не везет, и еще удивительнее, почему она не верит в удачу, успех, когда другие открывают в нашей стране непостижимые богатства и с полным основанием утверждают, что это и есть главная добродетель сегодняшнего героя?

Вспоминается доктор Пуш, такой усталый и беспомощный... Говоря, что он изумительный врач, нам показывают, что он слабый человек, дрожащий перед Женечкой, словно Хлопов перед Хлестаковым, и не жалко становится его, а противно: это же больше слизняк, чем личность.

Подполковник Козырев к концу фильма осознает, что упустил «свою жар-птицу». Судя по всему, собственная семья ему постыла, и одинокий, какой-то помятый существует он на земле. Ни радости, ни надежды не оставляют ему авторы.

Всего в одном эпизоде появляется секретарь горкома Алексей Антонович, но авторы и его успевают изобразить неудачником. В момент нашей встречи с ним он отказывается от любви, от примечавшегося личного счастья. Мало он верил в любимого человека, если немедленно запретил себе и другим вспоминать о своей «слабости», когда появилось какое-то сомнение в том, что ответная любовь эта не совсем бескорыстна. Разорвал Алексей Антонович два билета в кино, перестал крутиться вентиль, символизировавший закружившуюся в мечтах голову этого человека. Начинающий стареть, так и остался он одиноким.

Почему же героям так неуютно в жизни? Нет, не о мещанском покое мы говорим, а о настоящей радости от созданного, достигнутого, ждущего впереди. Нет, не об улыбках во весь рот и фанфарно-барабанных маршах, а о том гордом чувстве победителя, которое дает силы для новых побед. Этому лишены персонажи фильма «Дорогой мой человек». И не от случайной ошибки, а в связи с общим замыслом последние части картины идут в ночи, под дождь, и даже вместо электричества в комнате зажигается огарок свечи. Не случайно все более резкие и глухие краски вытесняют мягкий, прозрачный колорит начальных кадров. Весь этот мастерски выполненный фон — фон для неудач и обид.

Вечный бой — девиз героев фильма, но для них он, к сожалению, сводится к эпизодической перестрелке вместо большого наступления. Мы встречаем их в фрагментах одиночества, каждый в одиночку ищет победы, большие же народные победы, которыми отмечены годы действия фильма, в кинороман не попали. А хотелось бы, чтобы прежде всего говорилось о деле, которому служит каждый советский человек. Но не о том, как много трудностей в этом деле и сколько вокруг людей недостойных. Тогда в рядах героев мы встретили бы не только тех, кого нужно жалеть, сочувствуя их обидам, но и таких, кто делает свое дело, скромное или огромное, вместе с друзьями по духу. Неужто только потерпевшие достойны героизации? Ведь разницу между характерами индивидуализированным и индивидуалистическим можно тут нащупать без особого труда...

Судя по статье И. Хейфица «Человек и время», недавно опубликованной в «Советской культуре», намерения у творческого коллектива были великолепны. Во весь голос было заявлено о положительном, идеальном герое, о стремлении всеми деталями — не измелченно-бытовыми, а полными глубокого значения — показать его, сделать дорогим человеком для каждого. Это был творческий поиск. Авторы фильма искали верного решения современной темы, современного героя. Думается, что трудности, которые помешали сегодня победе фильма, не станут непреодолимыми, как трудности в биографии Володи, что они будут побеждены талантливыми кинематографистами.

Экран ждет нашего современника, умного, сильного, с открытой душой и жадной победного созидания. И, чтобы он пришел на экран, всемерно стоит задуматься над намерениями и просчетами авторов фильма «Дорогой мой человек», не шарахаясь от временной неудачи. Ведь должен же скорый поезд вынести Устименко из ночи в день, где он обязательно увидит, что солнце ярче, чем ему казалось до сих пор. Мы верим, дорогой наш человек, что увидишь ты еще алые паруса, когда-то затерявшиеся в тумане над рекой.

Св. КОТЕНКО.